

Лексическое представление прошлого — настоящего — будущего в рамках модели «предшествование — непредшествование» в древнеанглийском языке

© кандидат филологических наук О. Г. Чупрына, 2000

Содержание таких древнеанглийских лексических единиц, как (on) geardagum, (on) fyrndagum, fruma, feorƿ по существу было отражением общего восприятия времени как вместилища событий¹. Смысл прошлого, заложенный в нем, оказывался сцепленным в языковом сознании с узнаваемыми глобальными событиями. Концепт этих слов раскрывался в устойчивых языковых ассоциациях и был тем шире, чем разностороннее оказывались данные ассоциации. Прошлое не было абстрагировано от событий, которые память языкового коллектива представляла как реально произошедшие. События были суть прошлое, поэтому существовали явные контекстные ограничения употребления вышеприведенных слов, диктуемые характером восприятия и языкового описания этих событий.

Наряду с подобным языковым оформлением представлений о прошлом в древнеанглийском существовал иной способ языковой категоризации приобретенного опыта времени, соотносившийся с моделью "предшествование — непредшествование" или реляционной моделью, согласно которой время воспринималось как соположение действий и событий относительно друг друга или какого-то одного события. Еще до того, как в сознании англосаксов сформировалось абстрактное представление о времени как фоне, на котором протекают события, и воплотилось в соответствующую единицу языка, пришло понимание того, что действия и события могут располагаться во времени так же или почти так же, как объекты в пространстве. То есть *перед* чем-то, *за* чем-то и т.д. Само это представление было достаточно высокой степени абстракции, поскольку не касалось ни характера, ни степени значимости событий, ни оценки их со стороны социума. Как следствие, слова, выявлявшие в языке модель "предшествование — непредшествование", были концептуально ненагружены, их содержание сводилось к узкому темпоральному значению "раньше; до" — "позже; затем", и существовали они в языке вне зависимости от какой-либо культурно-языковой парадигмы. Концептуально нагруженные и концептуально свободные единицы языка отображали разные формы мировосприятия и являли собой разные способы языковой категоризации разностороннего опыта време-

¹ См. Чупрына О. Г. Temporum opinio в древнем языке и сознании // ВЯ, 1999, № 5.

ни. Абсолютно необходимым условием их употребления в речи было эксплицитное или имплицитное обозначение точки относительного отсчета. Функция этих слов была не только синтаксической — установление обстоятельственных отношений. В пределах текста или отдельного замкнутого по смыслу и сюжетному развитию его отрезка подобные слова были призваны расположить действия относительно друг друга в ретро- или проспективе.

Оппозиция "раньше — позже" исходно была представлена в древнеанглийском основной парой наречий **ær**² "раньше" (готск. *aig*, др.-в.-нем. *er*, др.-исл. *ar*) — **sīþan** "позже" < *sīð þæt* (готск. *seifus*, *ǫð.-ǫ.-íǫi. sit* "поздний", др.сканд *sīð* "поздно") с исходным временным значением. Наречие *ær* помещало действие в прошлое и указывало на то, что оно предшествовало другому действию или состоянию либо в прошлом, либо в настоящем. Событие, условно принимаемое за точку сравнения, требовало развернутого своего представления в тексте, причем его описание, как правило, следовало до описания предшествовавшего ему события. Так, в "Беовульфе" о появлении младенца у датского берега говорится до того, как сообщается о несчастьях, которые даны терпели во времена безвластья.

"*Ðam eafera wæs æfter cenned || geog in geardum, þone god sende || folce to frofre: fyrendearfe ongeat, || þæt hie ær drugon aldr(le)as[t]e|| lange hwile (12-16) — в недолгом времени / сын престола, / наследник родился, / посланный Богом / людям на радость / и в утешение, / ибо Он видел / их гибель и скорби / в век безначалия.*" (Пер. В. Тихомирова).

В "Церковной истории" произошла полная замена *fygn*-производных производными от *ær* или словосочетаниями с ним. Противники, получающие свою силу от сатаны, обозначены "*ærgan gewinnan*" (84), о тех, кто виновен в первогрехе в раю, сказано "*ærestan men*" (74), языческая вера обозначена как "*ærgan unclænnesse*" (110), букв. "старинная греховность", вместо *fyndagum* встречаем "*þam ærgan tidum*" (72).

Уместно заметить, что производные от сравнительной степени *er (герм. полож. ст. *aigi, готск. *aigis* "рано, ранний") засвидетельствованы только в западногерманских языках (др.-в.-нем. *êiro* "прежний, первый", *êristboran* "перворожденный, рожденный в начале"), что говорит об их более позднем, по сравнению с *fygn- производными, появлении. Возможно, в силу их относительной новизны слова этого ряда не обладали признаком этической оценки, и их содержание определялось только временным признаком "предшествования — неПредшествования".

² В работе не используются диакритические знаки долготы-краткости.

Наречие **forð** также принадлежало к тем средствам, которые устанавливали отношения непредшествования. Особенность семантики этого слова заключалась в том, что с его помощью устанавливалось отношение непредшествования между настоящим и будущим.

Отношение предшествования между прошлым и настоящим устанавливалось, как правило, в прямой речи. Настоящее обозначалось либо при помощи наречия *nu* "сейчас, теперь", либо подразумевалось как вся речевая ситуация, передаваемая в прямой речи. Отношение непредшествования действий в прошлом устанавливалось при помощи наречия **sifþan**, при этом событие — точка сопоставления — также получало развернутое обозначение. За нашествием Гренделя на Хеорот следует новое состояние: "heold hune **syðþan** ||fyr ond fæstor, se þæ. feonde æt-wand (142-143) — с тех пор (позже) держались его (Хеорота) дальше и в более безопасном месте, этого дьявола обходили".

При описании прошлого события ретро- и проспективные временные отношения могли быть установлены с помощью наречной конструкции "*ær ... sifþan*", которая употреблялась преимущественно с отрицанием. Например, в "Беовульфе": "Ne wæs þæt forma sif, || þæt he Hroþgares ham gesohte || næfre he on aldordagum **ær** || **ne sifþan** || heardran hæle[scipes] healðegnas fand (16-719) — не в первый раз наведывался он в дом Хродгара. Никогда раньше в своей жизни, ни позже не находил он героя более сильного мужеством".

Наречие **forð** также принадлежало к тем средствам, которые устанавливали отношения непредшествования. Особенность семантики этого слова заключалась в том, что с его помощью устанавливалось отношение непредшествования между настоящим и будущим.

В переводе "Церковной истории англосаксов" языковое оформление представлений о времени, включая представления о прошлом, настоящем и будущем, зависело от нескольких факторов. При работе с латинским текстом "Церковной истории" переводчику пришлось столкнуться с абстрактным представлением о времени и соответствующим словом латинского языка, вобравшем его в своей семантике. Отсюда — поиски наиболее приемлемого для данной ситуации слова или словосочетания в родном языке. Лексические единицы, обозначавшие прошлое — *geardagum, fyrndagum*, были малоприспособлены для перевода, поскольку каждая из них соотносилась с дифференцированным понятием времени. Необходима была мотивированная единица, не связанная с субстанциональными представлениями о прошлом и обладавшая "живой" внутренней формой. Приемлемыми обозначениями прошлого, настоящего и будущего оказались такие, которые опирались на приобретенное в опыте понимание времени как соположения действий, поступков и событий относительно друг друга. Были использованы наречия, указывавшие на

направление или положение в пространстве — fore, forð, ānd, æfter, to и причастия и отглагольные существительные от глаголов движения, а также суффикс прилагательного — weard "повернутый (к), расположенный".

Отсюда такие обозначения прошлого и будущего в "Церковной истории", как (þe) foregange < fore "перед, впереди" + gange "ход, уход" и (þe) æfterfylige (fylgian "следовать") : "Hwæt þær foregange oððe hwæt þær æfterfylige, we ne cunnun (136) — ни что в прошлом, ни что потом (в будущем), мы не знаем".

Внутренняя форма обозначений прошлого, настоящего и будущего в "Церковной истории" предопределена восприятием времени по аналогии с движением или нахождением в пространстве, но их важнейшая понятийная особенность состояла в том, что их семантическая мотивированность основывалась на признаке "человеческого присутствия". Положение в пространстве или определенное направление движения в нем рассматривалось относительно человека, его взгляда или лица. Поэтому значение языкового комплекса, сообщавшего о настоящем, складывалось из значения префикса ānd, выражавшего смысл соположения, и суффикса прилагательного -weard "развернутый, повернутый к" — andweardan (прилаг.) (tid) (Bd 4,108; Alfr 37, 49), āndwardnysse (существ.) (Bd 26; Alfr 31). Иными словами, настоящее воспринималось как развернутое перед лицом человека (ср. готск. andwairþi (wairþan "становиться") "присутствие" и "лицо"). Будущее понимали как разворачивающееся к человеку или направленное на него — (þe) towardan (Bd 130; Alfr 19). Вполне может быть, что латино-христианской парадигме отбор языковых средств с — weard для передачи смысла настоящего и будущего осуществился в результате вычленения соответствующих прилагательных из оппозиции устойчивых сочетаний, относившихся к сфере христианских воззрений на земную жизнь и жизнь после смерти: "þis andwearde lif manna" (Bd 134) "нынешняя (земная) жизнь людей", "Se ðe on andwerdum life (Alfr 45) "в земной жизни" — towardan lif (Bd 130), towardan worulde (Bl.Hml 15) "предстоящая жизнь", "будущий мир".